

В.Н. ЕФРЕМОВА*

**КОГДА ЭТНИЧНОСТЬ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ:
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИКИ
ИДЕНТИЧНОСТИ РЕСПУБЛИК РФ**

Рец. на кн.: Назукина М.В. Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации. – М.: Новый Хронограф, 2021. – 176 с.

Для цитирования: Ефремова В.Н. Когда этничность имеет значение: исследование политики идентичности республик РФ (Рецензия) // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 316–325. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.13>

Политические аспекты идентичности – одна из тем, на которую пришелся бум исследовательского интереса в российской политической науке во втором десятилетии текущего столетия. С тех пор было проведено немало изысканий в области публичной политики, по большей части в конструктивистском ключе, касающихся различных проявлений идентичности. Ученые из смежных дисциплин (историки, политологи, филологи, археологи, социологи) весьма плодотворно задавались вопросами: «Кто мы?», «Что отличает нас от других?». На этой волне в 2009 г. на Конгрессе Российской ассоциации политической науки было создано специализированное исследовательского сообщества – Экспертная сеть по

* **Ефремова Валентина Николаевна**, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: efremova-valentina@mail.ru

исследованию идентичности¹. М.В. Назукина – координатор этой экспертной сети.

Монография «Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации» вышла в свет в конце 2021 г. [Назукина, 2021], незадолго до событий февраля 2022 г. Однако во многом ее положения сегодня позволяют зафиксировать важные изменения в политике идентичности субъектов, которые проходят непростой этап «проверки на прочность». Текущий кризис, связанный с противостоянием России «коллективному Западу», с точки зрения социально-экономических аспектов является внутривнутриполитическим, а значит, оказывает влияние на самочувствие регионов. О том, что этнические различия имеют значение при обострении конфликтности в условиях нестабильности и в то же время составляют условие стабильности и развития страны, неоднократно подчеркивал академик В.А. Тишков (см.: [Тишков, 2008]).

Монография М.В. Назукиной представляет собой результаты многолетнего труда, в основу которого легли не только теоретические изыскания автора, но и серия глубинных интервью, где информантами выступали более ста представителей региональных политических элит. Этот аспект заслуживает особого уважения. Искусно владея исследовательским инструментарием, автор показывает особенности проявления этничности в региональной политике республик Российской Федерации. Это помогает ей решить главную задачу – определить содержание и специфику институционализации этничности, выделяя ее структуру и уровни на конкретных примерах, что делает исследование богатым и интересным.

Опираясь на широкий массив существующих зарубежных и отечественных исследований, М.В. Назукина интерпретирует политику идентичности через призму доминирования и рассматривает ее как «политический курс, направленный на конструирование границ сообщества, символизацию групповой идентичности и образа “мы-они”» (с. 16). Не включаясь в полемику относительно природы этничности, М.В. Назукина напоминает о существовании символических границ, разграничивающих этнические сообщества. Этническая идентичность, как подчеркивает автор, не является

¹ Сеть по исследованию идентичности // Экспертная сеть по исследованию идентичности. – Режим доступа: <http://identityworld.ru> (дата посещения: 01.07.2023).

жестким понятием, а рассматривается как «воображаемая общность» и связана с процессами личной самоидентификации. Она, как и любая другая идентичность, поддается конструированию через различные практики, социализацию, принятие существующих различий в обществе. Маркеры этничности позволяют говорить о включении / невключении группы в политику идентичности. Под такими маркерами в монографии понимаются «общие идентифицирующие основания межличностной коммуникации, которые иногда называют “материализованными” проекциями этничности, создающими образ “мы-общества”» (с. 17). Автор напоминает, что к ним принято относить территорию, язык, конфессию, социальные институты, бытовую культуру и общую историческую память. Обращаясь к Ф. Барту, М.В. Назукина говорит о существовании «двух уровней содержания этнических дихотомий» – визуальные отличия и фундаментальные ценностные ориентации. Автор в дальнейшем развивает эту мысль и предлагает собственную модель маркеров институционализации этничности (с. 23).

Рассуждая об институционализации идентичности, М.В. Назукина подчеркивает, что групповые этнические различия закрепляются не только через формальные институты (например, представительство этнических групп в государственных учреждениях для обеспечения и демонстрации этнической принадлежности), как это принято рассматривать большинством исследователей, но и «тогда, когда в отношении этнических групп вводятся определенные преференции» (с. 19). Это утверждение справедливо в отношении групп индивидов. В этом случае закрепление идентичности может происходить через фиксацию различий в определенных институтах. Здесь примером может служить модель power-sharing А. Лейпхарта, которая «означает участие представителей всех значимых групп в принятии политических решений, особенно на правительственном уровне» [Lijphart, 2002, p. 39]. Другим примером М.В. Назукина называет этнические региональные автономии (ЭРА) как «политический институт, который позволяет координировать многообразные интересы и поддерживать баланс в межнациональных отношениях» (с. 19).

Обращаясь к теории социального конструктивизма, М.В. Назукина поднимает вопрос о том, как этничность приобретает значение для определенной группы. Следуя конструктивистской логике, процесс институционализации предполагает регулярные и повто-

ряющиеся социальные взаимодействия между членами группы. Для выработки высокой степени устойчивости идентичности подчеркивается необходимость существования некой «производящей» группы индивидов, которая «обладала общими представлениями, когнитивными схемами, неким “фоновым знанием”, благодаря которому у членов группы возникают взаимные ожидания относительно поведения друг друга» (с. 20). Определяющее значение в процессе институционализации этничности играет «политика государства, которое транслирует дискурсы, создавая устойчивые во времени смыслы, становящиеся основой конструирования региональной и даже национальной идентичности» (с. 21). Институционализация идентичности фактически означает ее формализацию, структуризацию, упорядочивание оснований. В конечном счете данный процесс помогает решить возникающие противоречия. М.В. Назукина делает важное, но не всегда очевидное замечание: сама по себе этническая идентичность может определяться разными агентами и принимать разные формы. Она подчеркивает, что важную роль оказывает политика государства, однако значение этничности может определяться такими агентами, как общественные организации, экспертные сообщества, общественные объединения (с. 21). В этой связи значение приобретают маркеры идентичности, с помощью которых можно фиксировать включение / невключение этнического в политику идентичности.

Автор выделяет три уровня политики идентичности, на которых происходит институционализация маркеров: нормативно-институциональный, нарративно-мифологический и символический. Нормативная институционализация, как отмечает М.В. Назукина, связана «с фиксированием укоренения этничности в системе формальных и неформальных институтов республики, в том числе и на нормативном уровне» (с. 24). К ее проявлению можно отнести существование квот в региональные легислатуры, закрепление языковых предпочтений (статуса языка «титупной группы»). К символическому измерению институционализации этничности в политике идентичности автор относит «инкорпорирование этнических маркеров в символические атрибуты сообщества, топонимику и онимы (наименования), культурный ландшафт, монументы, памятники, разнообразные ритуальные практики (например, празднование значимых дат) и др.» (с. 27). Нормативно-мифологическая институционализация хоть и связана с символическими проявле-

ниями, но прежде всего направлена «на передачу исторической памяти сообщества» (с. 28). Она касается памяти сообщества, репрезентации прошлого. Нормативно-мифологическая репрезентация, по мысли М.В. Назукиной, нередко приобретает вид мифологии и идеологем, которые раскрывают суть «мы-сообщества». История и роль сообщества осмысливаются через мифы об общей исторической судьбе членов этой общности, мифы об автохтонности. Здесь автор приводит в пример миф о единстве адыгов-черкесов, представление о единой черкесской нации. В российских республиках этот уровень очень часто включает религию как маркер этничности: «Конфессиональные особенности и местные верования создают основу для ценностных норм, визуализируются в общественно-политических практиках через маркирование религиозной специфики (символику и нарративы)» (с. 29). Особое символическое значение приобретают места памяти, а также региональные праздники.

Выстраивая исследовательскую модель, М.В. Назукина переходит к эмпирической части и подробно затрагивает нормативные аспекты институционализации этничности в политике идентичности республик РФ. Автор монографии демонстрирует, что нормативно этничность проявляется в разной степени. Объединяющим фактом является закрепление титульного языка в региональном законодательстве (исключением является только карельский язык), присутствие этнического компонента в системе административно-территориального устройства республик. Каждая национальная республика РФ закрепляет в своем законодательстве статус этнических групп, в большей части в контексте сохранения культуры, традиций и самобытности народа. Как показал автор, среди других республик в вопросе нормативной институционализации этничности выделяется Татарстан. Здесь не только глава республики именуется (на момент проведения исследования) «Президент» (сохранение наименования в таком ключе вопреки требованию законодательства на федеральном уровне называли «компромиссом»), но и самопозиционирование по маркеру этничности используется политическими элитами в стратегиях мобилизации (с. 50). В качестве примера автор приводит призывы первого президента Татарстана М. Шаймиева к участию во Всероссийской переписи населения, прошедшей в 2021 г., а также спикера Государственного

совета республики Ф. Мухаметшина – с указанием национальной принадлежности «татарин».

Этничность является одним из маркеров распределения ключевых административно-управленческих позиций в республиках. Высшие должности занимают представители «титულიной нации». Как отмечает М.В. Назукина, во многих республиках действует принцип этнического «квотирования» при распределении властных полномочий. Так, практика негласных договоренностей внутри элитных групп существует в Кабардино-Балкарии. Подобная практика сложилась в Карачаево-Черкесии, где предполагается, «что главой республики должен быть именно карачаевец, русский занимает пост председателя парламента, а должность главы правительства “резервируется” за представителем черкесов» (с. 55). Напротив, в Республике Алтай позиция высшего должностного лица устойчиво отведена русскому, а «второстепенную» позицию (председатель парламента) обычно занимает представитель «титულიной» национальности. В Бурятии, где русские составляют большинство населения и долгое время занимали высшие должностные позиции, с 2017 г. произошла рокировка: А. Цыденов (губернатор-«варяг», но с бурятскими корнями) назначен на должность главы республики, А. Павлов стал председателем Народного Хурала. В то же время, по замечанию автора монографии, существуют примеры республик, где не сложилось устойчивых практик распределения полномочий согласно этнической принадлежности, как, например, в Мордовии. Однако здесь национальность оказывает влияние на формирование депутатского корпуса.

Вторая часть монографии позволяет погрузиться в разнообразие символических практик, используемых в республиках в институционализации этничности. М.В. Назукина сравнивает на предмет выражения идентичности не только визуальные символы (гербы, флаги), но и нейминг. В ряде случаев именно притязания на монопольное право на использование этнонимов в названии регионов порождает символическую борьбу между элитами. Автор приводит пример Северной Осетии, где после утверждения проекта новой конституции 1994 г. был добавлен к официальному названию этноним «Алания», позволяющий претендовать на традиции и обширные территории средневекового государства. Соседние субъекты: Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, а также Южная Осетия – тем не менее также предъявляют претензии на имя «Алания».

Отдельная часть четвертой главы посвящена анализу инструментов и стратегий политики идентичности, с помощью которых создаются символические маркеры и конструируются культурные границы. Речь идет о выборе символов и брендов регионов, имен значимых культурных героев, подбор кандидатур для переименования административных зданий и общественных мест (например, аэропортов Горно-Алтайска, Уфы, Крыма) или изображений на значимой визитной карточке (например, новой денежной банкноте). К слову, упоминая о роли денежных банкнот, М.В. Назукина, однако, не иллюстрирует это примерами из республиканских практик. Хотя известно, какой резонанс произвела новая денежная банкнота номиналом 100 рублей, выпущенная в 2015 г. и посвященная Республике Крым. На ней изображены Памятник затопленным кораблям в Севастополе, сюжет картины Ивана Айвазовского «Русская эскадра на севастопольском рейде», Ханская мечеть, дворец-резиденция крымских ханов в Бахчисарае и портрета императрицы Екатерины II.

Брендинг в работе рассматривается как некая философия и идея, «сплачивающие сообщество и определяющих его идентичность. Таким образом, в брендинге укореняется региональная идентичность» (с. 86). Поиски собственных брендов, как отмечает М.В. Назукина, осуществляются во всех республиках. В большинстве случаев они связаны с продвижением на рынке местных продуктов питания, однако известны случаи «культурных» брендов (например, туристский бренд-логотип TERRA BASHKIRIA и слоган «Душа Урала. Сердце Евразии»).

Анализируя праздничные календари республик, М.В. Назукина отмечает их тесную связь с этноконфессиональной спецификой. Даже беглый взгляд на региональные праздники обнаруживает существенные различия в основаниях для их учреждения и статусе (государственные, народные, светские, дни памяти). Подавляющее большинство праздников является отражением культурных традиций. Автор достаточно емко описывает то, как региональные праздники становятся инструментами символической борьбы в процессе институционализации этничности. Особого внимания заслуживает пример Чеченской Республики, где были задействованы разные символические стратегии: от переименования Дня независимости Чеченской Республики в День Чеченской Республики (4 сентября) до появления Дня мира (16 апреля), Дня восстановления чеченского

народа (9 января), Дня памяти и скорби в Чеченской Республике (23 февраля).

Дискурсивный анализ поздравительных текстов главных дней субъектов (День республики) позволяет сделать автору «вывод о присутствии мотива межэтнического мира, согласия и единства народов, проживающих на территории республики» (с. 105).

Особый интерес представляет шестая глава, посвященная нарративно-мифологическому уровню институционализации этнокомпонента. М.В. Назукина анализирует наиболее распространенные мифы республик, в которых находит проявление этничность. Первый – это *миф об особом «народе» региона*. «В смысловом ядре данного мифа лежит представление об особом национальном характере / менталитете жителей территории. Подобный тип мифов встречается не только в этнических регионах, хотя в республиках он приобретает особый аспект, в котором наполнение ценностного ядра и объяснение типического поведения увязывается с особенностями титульного населения региона» (с. 107), – отмечает автор. Далее она на примерах красочно демонстрирует то, как оживают региональные мифы (отметим мифы об особом характере тувинцев, якутов, чеченцев, удмуртов). Второй миф – это *миф об «особом» региональном государстве* или опыте государственности республик (Тыва, Алтай, Якутия). Отдельное место в региональной мифологии занимают *мифы «единения» с Россией*: «Выражается она через празднование юбилеев “вхождения” в Россию, актуализирующих дискурсы опыта собственной автономности, единения народов, единения с государством» (с. 118).

Вместе с тем представляется, что каждое из намеченных направлений в эмпирической части можно развить до полноценного сравнительного исследования. Автор нередко вскользь упоминает о значимых региональных датах, символах или брендах, не раскрывая их суть, или же отдает предпочтение отдельным кейсам. Конечно, использование маркеров этничности от субъекта к субъекту происходит в разной степени и связаны с традициями, обычаями и культурно-психологическими особенностями этносов. Хотелось бы в будущем увидеть более детальный анализ символических аспектов использования этничности разными политическими акторами. Кроме того, на наш взгляд, не до конца раскрыты социально-экономические эффекты брендинга территорий с учетом

этнического компонента. Все это, однако, не умаляет общей значимости работы.

Подводя итог, следует отметить, что монография М.В. Назукиной представляет собой интересный, красочный и доступный материал. Несомненно, ее сильная сторона – это предложенная аналитическая модель. Авторский подход фокусируется на дискурсивном измерении и позволяет систематизировать то, как проявляются маркеры этничности, как происходит их использование. Следует, безусловно, отметить колоссальную эмпирическую насыщенность текста, изобилующего примерами институционализации этничности в разрезе каждой из республик РФ. Надо согласиться, что во всех республиках РФ титульный этнос и связанные с ним феномены становятся важнейшими атрибутами региональной идентичности.

V.N. Efremova*

**When ethnicity matters: A study of the identity politics
of the Russians republics (Review)**

For citation: Efremova V.N. When ethnicity matters: A study of the identity politics of the Russians republics (Review). *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 316–325. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.13>

References

- Lijphart A. The wave of power-sharing democracy. In: Reynolds A. (ed.). *The architecture of democracy: constitutional design, conflict management, and democracy*. Oxford: Oxford univ. press, 2002, P. 37–54.
- Nazukina M.V. *Ethnicity in the identity policy of the Russian republics: facets of institutionalization*. Moscow: Novy Cronograf, 2021, 176 p. (In Russ.)
- Tishkov V.A. *Ethnic and religious diversity as the basis for the stability and development of russian society: articles and interviews*. Moscow: Moscow Bureau for Human Rights, «Academia», 2008, 84 p. (In Russ.)

* **Efremova Valentina**, Institute of scientific information for social sciences of the Russian academy of sciences (INION) (Moscow, Russia), e-mail: efremova-valentina@mail.ru

Литература на русском языке

Назукина М.В. Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации. – М.: Новый Хронограф, 2021. – 176 с.

Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. – 84 с.